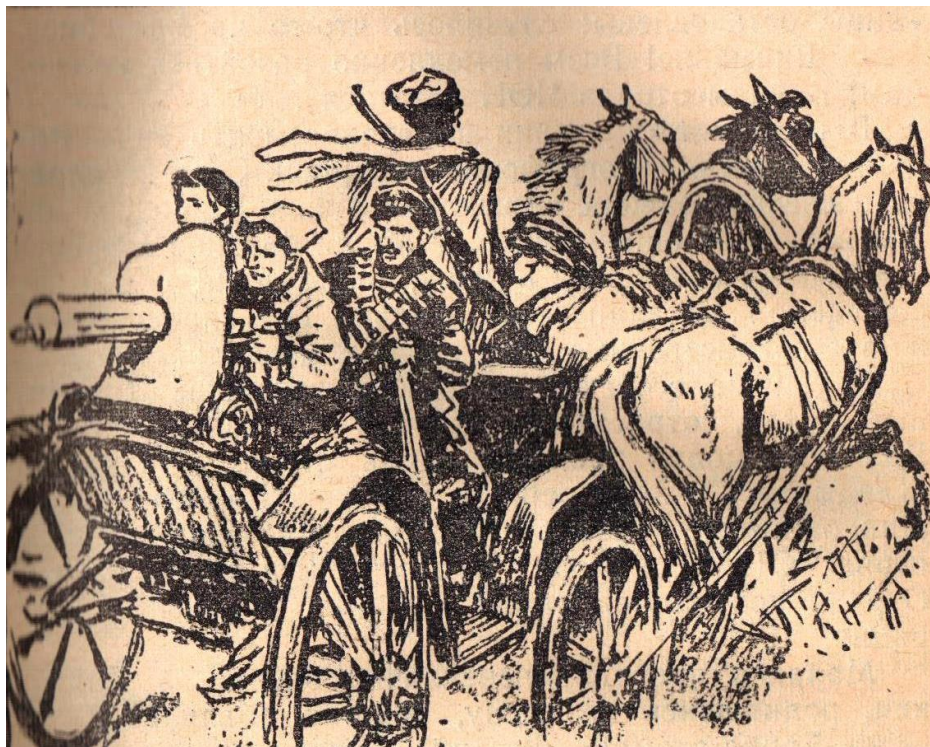

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ДВАДЦАТЫЙ...

[Фрагмент новеллы]

Город Армавир. Пыльная ночь и ветер, яростно несущий низкие облака со стороны ставропольского плоскогорья.

В нашем комсомольском клубе – концерт-бал. Весь сбор в пользу голодающих детей. В просторном зале светло и оживлённо. В самый разгар танцев в зал быстро входят Николай Калиткин и Павел Малахов. Танцы остановлены: случилось что-то чрезвычайное.

– Внимание! Всем немедленно разойтись по домам! Бойцам отряда ЧОН остаться...

В полном вооружении выстраиваемся в зале. Рядом со мной – типографский наборщик Сергей Головкин и слесарь завода «Армалит» Миша Широкоцкий. Мы живём на одной улице. У Миши бледное бескровное лицо с введшейся в кожу, похожей на порошок несмываемой металлической пылью. На нашей улице живут потомственные типографы и металлисты.

В тишине особенно тревожно позванивают оконные стекла, сотрясаемые могучим ураганным ветром. Калиткин молча проходит вдоль строя, испытующе вглядываясь в лица ребят и девушек. Рабочий-литейщик, он вместе с Павлом Малаховым возглавляет наш отряд ЧОН, куда входят коммунисты и комсомольцы. Отряду поручаются самые сложные и опасные операции.

Малахов проводит переключку бойцов, а Калиткин, поднявшись на сцену, коротко объявляет:

– Банда атамана Фостикова численностью до шестисот сабель атаковала поезд с делегатами Коминтерна. Они возвращаются из Баку, со съезда народов Востока. Получен приказ: отряду ЧОН выступить в сторону Невинки. Всем, кто чувствует себя неуверенно, шаг вперед!

Никто не шелохнулся.

– Девушки могут следовать с отрядом только как сестры милосердия.

В ответ раздаются протестующие возгласы.

– Кру-у-гом! – властно командует Калиткин, и все разговоры прекращаются. Позвякивая винтовками, отряд выходит в гудящую ночь.

Из распахнутых настежь ворот вылетают наши пулеметные тачанки. На одной из них я вижу Бульбанюка, Кирилла Жукевича и вместе с ними Раису Арсентьевну. На второй – Малахов, кто-то в черной бурке и Любаша, младшая сестра Раисы Арсентьевны, тонкая и бледная от постоянного голодания, прозванная Свечкой. В бурке – наш художник Жора Шестибратов.

– Давай к нам! – приглашает он přátельски.

По пыльной дороге кони вскачь несут нас в сторону Урупа. У Свечки боевой вид – через плечо сумка с медикаментами, на рукаве повязка с красным крестом.

Шестибратов отлично правит лошадьми: в сердце рождается знакомое чувство удали – это от ветра, от бешеного бега тонких, окованных железом колес тавричанки, от легкого нервного озноба перед неизвестностью. Но присутствие под руками пулемета наполняет сердце уверенностью, и уже кажется, что ты неодолим.

Когда-нибудь я обязательно напишу картину: ночь, где-то вдали тревожные огни пожара, и по бескрайней степи летят комсомольские тачанки. На первой из них худенькая девушка, ее бледное лицо, чуть озаренное далекими сполохами пламени, полно отваги. Картина будет называться «По боевой тревоге».

Мы съезжаем куда-то вниз. Колеса со скрежетом врезаются в мелкую гальку и песок, кони, похрапывая, осторожно входят в воду. Немолчный звон резвой реки на перекате слышен далеко окрест. Передняя тачанка уже выбралась на взгорье и сразу исчезла за краем обрыва. Где-то вдалеке застрочил пулемет. Малахов невозмутимо спокоен. Мы с Любашей зорко всматриваемся в темноту: каждый куст на откосе кажется всадником.

Снова пулемётная очередь. Шестибратов останавливает лошадей, прислушивается... Ветер доносит справа, оттуда, где в темноте угадывается железнодорожный мост, колёсный перестук идущего без огней поезда. Мне кажется, что гул моего сердца слышен даже Любаше – так напряжено внимание... Но это не гул сердца, а беспорядочный одинокий галоп коня по степной дороге. Шестибратов быстро разворачивает тачанку, а мы с Малаховым припадаем к пулемёту. На откосе вырисовывается силуэт всадника.

– Э-гей! – кричи он, кружась на коне. – Товарищи, где вы?

Вслед за всадником из мрака вырывается тачанка, и мы слышим ликующий голос Кирилла Жукевича:

– Отбой! Наша взяла! Банда отступила в сторону предгорных станиц!

Он сообщил об этом с таким победным восторгом, будто это он, Жукевич, единолично отстоял поезд и заставил банду уйти в горы. Как выяснилось, белых отогнал и рассеял по степи полк под командованием Петра Лермонтова.

По суровому молчанию, с каким Шестибратов разворачивает тачанку, нетрудно определить, как неприятно ему хвастовство Жукевича: они оба влюблены в Раису Арсентьевну. Шестибратов пускает коней по дороге, но Кирилл решил не уступать, в темноте слышен его ямщицкий гик и посвист.

Нет, брат, нас так просто не возьмешь! Жора отпускает вожжи, и наша тачанка, будто приподнявшись в воздух, устремляется вперед. Мы дружно втягиваемся в этот молчаливый поединок, от всей души желая первенства нашей тачанке. Шестибратов даже привстал, лихорадочно понукая распластавшихся в лёте коней. Малахов свистит – кони припускают еще быстрее!

Слева в темноте следует поезд. Мы настигаем его, равняемся, постепенно обходим и, не сбавляя скорости, на сумасшедшем галопе врываемся в город. Жукевич мчится следом, закиданный пылью из-под колес нашей тачанки.

В городе уже знают о прибытии поезда с делегатами Коминтерна. К вокзалу со всех сторон шествуют толпы с флагами и плакатами. На вокзальной площади шумное многолюдье. Шестибратов останавливает взмыленных коней у пыльного палисадника.

Здание вокзала оцеплено железнодорожной милицией. На перрон пропускают только знаменосцев и представителей делегаций. Нам с тачанки видно, как из вагона кто-то выходит и прямо со ступенек приветствует собравшихся горожан. Ему отвечают криками «ура».

Потом на перрон спрыгивает высокий, широкоплечий человек в клетчатой рубашке и безрукавке. Он пробирается сквозь толпу и направляется прямо к нам. У незнакомца открытый, высокий лоб и темные курчавые волосы. Нос мальчишески короток и задорен. Он с невыразимым упоением разглядывает Любашу, потом меня и Шестибратова.

– О! – восхищенно восклицает незнакомец. – Таучанка!

– Тачанка, – поправляет Любаша.

– Тачанка! Буденный! – он поглаживает ладонью черную шерсть бурки. – Кавказ?

– Кавказская бурка, – по слогам объясняет Жора.

– Бурка. Таучанка...

Незнакомец, хотя и говорил с явным иностранным акцентом, по-русски понимал многое. То и дело он улыбался, показывая свои удивительно белые, ровные зубы. Он расспрашивал о городе, о том, как происходила у нас революция, как были разбиты белые. Его интересовало все – и музыкальные занятия Любаша, и мой красноармейский шлем, и профессия Шестибратова, и почему наши кони в мыле.

Жора рассказал, что он художник, руководит студией Дворца искусств, что работает над эскизом к большой картине, посвященной октябрьским событиям в Питере, где Ильич выступал перед делегациями в Смольном. Он даже бегло набросал на бумажке композицию будущей картины с выступающим Лениным.

Митинг на станции закончился, музыканты уже исполняли «Интернационал», и наш новый знакомый от души пожимал нам руки. На прощанье он сказал, что представляет в Коминтерне американских рабочих, по профессии журналист и зовут его Джон Рид.

Как мы узнали позже, Джон Рид, вырвавшись из финской тюрьмы, уже с подорванным здоровьем, отправился прямо на съезд народов Востока. В Баку съехалось около двух тысяч делегатов тридцати с лишним национальностей. Рид выступил на съезде с горячей речью против колониальной экспансии капиталистической Америки. На обратном пути в Москву бронепоезд с делегатами несколько раз подвергался нападению белых банд. Вооруженный, как и все пассажиры, винтовкой, Рид долго упрашивал коменданта разрешить ему промчатся на тачанке в погоню за отступившей в горы казачьей бандой...

*Рахилло, Иван. Незабываемый двадцатый... : [фрагмент новеллы]
// Рахилло, Иван. Тысяча белых аистов : новеллы разных лет / художник
А. Лурье. – Москва : Воениздат, 1974. – С. 21-26. – (Библиотечка журнала
«Советский воин» ; 1974, № 3).*